

Иванов Андрей Валерьевич

МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ТЕОРИИ "СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ"

Публикация посвящена критическому анализу концепции справедливой войны с этических позиций. На основе анализа теоретических положений утверждается, что асимметричные конфликты и гуманитарные интервенции в корне меняют представления о современных войнах, которые больше не соответствуют традиционным морально-правовым доктринам. Делается вывод, что принципы теории не являются удовлетворительными для ограничения военных эксцессов, и для снижения уровня вооруженного насилия требуются новые нормативные регулятивы и практики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 2. С. 55-58. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 355.011

Философские науки

Публикация посвящена критическому анализу концепции справедливой войны с этических позиций. На основе анализа теоретических положений утверждается, что асимметричные конфликты и гуманитарные интервенции в корне меняют представления о современных войнах, которые больше не соответствуют традиционным морально-правовым доктринам. Делается вывод, что принципы теории не являются удовлетворительными для ограничения военных эксцессов, и для снижения уровня вооруженного насилия требуются новые нормативные регулятивы и практики.

Ключевые слова и фразы: теория справедливой войны; право на войну; право во время войны; этика; международные отношения; гуманитарная интервенция; мир; гибридные конфликты.

Иванов Андрей Валерьевич, к. филос. н.

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
ivanowaw@gmail.com*

МОРАЛЬНЫЕ ДИЛЕММЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ТЕОРИИ «СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ»

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-33-12009.

Теория справедливой войны относится к числу наиболее влиятельных концепций военной этики, формирование которой напрямую связано с перипетиями развития политико-правовой и философско-религиозной мысли в Западной Европе. В последние десятилетия особую популярность данная концепция получила благодаря американским мыслителям (М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд и др.), в трудах которых проблема нравственных ограничений войны была актуализирована на новом теоретическом уровне [14]. Обширный пласт исследовательской литературы, возникший вокруг обсуждения и критики этой концепции, свидетельствует о стремлении авторов преодолеть кризис нормативных оснований войны, возникший в рамках реалистической доктрины. И несмотря на то, что теория справедливой войны критикуется практически по всем важнейшим аспектам представителями других исследовательских направлений (реализм, пацифизм), она продолжает сохранять свое фундаментальное значение для обсуждения наиболее актуальных этических вопросов международного права и политики.

Задачей настоящей публикации является рассмотрение теории справедливой войны с точки зрения выявления ее этических последствий, а также исследование оснований критики этой концепции. Важно учитывать, что война как комплексная проблема не может анализироваться в контексте какой-либо отдельной дисциплины – военной науки, политической теории международных отношений или моральной философии – и нуждается в более обширном критическом метадисциплинарном анализе. Чтобы достичь ясности в трактовке положений теории справедливой войны и тем самым устранить возможность их предвзятого толкования, необходимо не только анализировать этико-правовые основания, на которых они базируются, но и учитывать их корреляцию с условиями ведения современных войн и военных конфликтов, принимая во внимание как ценностно-нормативные, так и прагматические контексты. Дополнительное измерение этой концепции придает также социальная реальность, трансформация которой влечет изменение форм и способов ведения войны в условиях конфликтов XXI столетия.

Теория справедливой войны строится на концептуализации фундаментальных нормативных оснований войны, охватывающих две основные области: *jus ad bellum* (право государства на войну), *jus in bello* (обычай и правила войны).

Jus ad bellum – это совокупность правовых и этических условий, при соблюдении которых объявление войны носит оправданный характер. К их числу относятся принципы правого дела (*causa justa*), легитимной власти (*auctoritas principis*), добрых намерений (*recta intentio*), вероятности успеха, соразмерности и использование насилия как крайнего средства (*ratio ultima*). В качестве оснований, дающих право участвовать в войне (*causa justa*), указываются оборонительная война (*bellum defensivum*), помощь союзнику, гуманитарная интервенция, прекращение гражданской войны или смена агрессивного режима, а также борьба с террористическими угрозами.

Jus in bello содержит правила использования вооруженных сил во время ведения боевых действий. К этой группе относятся принципы соразмерности применяемых средств, иммунитета гражданского населения, дискриминации и двойного эффекта.

По выражению Николаса Фоушина, эта концепция представляет собой «контрольный список критериев» (*“check-list”*), на основе которых выносятся суждения о том, насколько допустимыми являются война и действия ее участников [8, р. 28]. Эти критерии связаны друг с другом, поэтому их содержание необходимо рассматривать только в комплексе, как элементы единой системы. Например, принцип добрых намерений оценивается на фоне принципа правого дела. Намерения являются добрыми, если они способствуют соблюдению принципа правого дела (например, при возвращении поработанному народу его исконной территории). Подобным образом и принцип вероятности успеха, и принцип соразмерности учитывают выгоды и издержки войны.

С другой стороны, как указывает Николас Фоушин, «теория справедливой войны имеет двухчастную структуру: одна часть связана с процедурами, а другая – с ценностями» [6, с. 379]. И несмотря на декларируемую системность, эта теория не лишена недостатков, и ее можно рассматривать в качестве варианта непоследовательного синтеза деонтологических (нормативно-ценностных) и консеквенциалистских (прагматических) положений, что, в свою очередь, «делает теорию уязвимой со стороны критиков, указывающих на превращение этой доктрины в набор принципов, интерпретации которых могут меняться в зависимости от настроений политиков, которые их используют» [4, с. 75]. И в этом смысле данные возражения являются вполне обоснованными.

Как указывают оппоненты М. Уолцера, в этой теории основной акцент делается на процедурно-прагматических основаниях, и в таком смысле группа принципов *jus in bello* наиболее разработана и является превалирующей. Что же касается принципов *jus ad bellum*, то процедура их обоснования сводится к провозглашению приоритета прав человека, защита которых рассматривается в качестве «минимально допустимого» условия (Б. Оренд). Однако вопрос о том, каким образом должны соотноситься между собой деонтологические и прагматические критерии, остается открытым. В итоге попытка найти компромисс между оправданием насилия и его ограничением в рамках одной и той же этической концепции приводит к весьма противоречивым результатам. Как показала история эволюции учения, список критериев оправдания войны все время расширялся, в то время как перечень моральных ограничений практически оставался неизменным.

По мнению Б. Н. Кашникова, первая серьезная теоретическая проблема связана с отсутствием необходимой нормативной связи между концептами войны и справедливости [1]. Попытка установить соответствие между понятиями справедливости и войны *a priori* если и не обречена на окончательное фиаско, то, по крайней мере, сталкивается с рядом трудноразрешимых парадоксов и противоречий. С точки зрения теории игр война представляет собой игру с «нулевой суммой», победа в которой может быть достигнута лишь при условии поражения одной из сторон, а это в корне противоречит понятию справедливости как равенству в достоинстве быть счастливыми и обладать необходимыми для этого правами, совместимыми со свободами других субъектов. Поэтому можно согласиться с точкой зрения Ханны Арендт, утверждавшей, что «насилие может быть оправданным, но никогда не бывает легитимным» [7, р. 151]. То есть использование насилия противоречит самой идее справедливости, поэтому никакие даже самые гуманные правила ведения войны и этические запреты не могут оправдать гибель тысяч, сотен и даже десятков людей ради достижения победы, и, следовательно, морализация войны во имя мира не является достаточным условием для обоснования ее справедливости.

Однако из данных контраргументов вовсе не следует, что концепция лишена смысла, а проблема решается через обращение к пацифистской доктрине. Из утверждения, что война безнравственна и несправедлива, вовсе не следует, что понятия мира и справедливости тождественны, а ненасилие – это единственное средство их достижения. Как писал Фома Аквинский в трактате «Сумма теологий», «мир – это не добродетель, а ее результат» [13]. И если ценой мира становятся страдания и смерть невинных людей, такой мир не является справедливым. Отсюда можно сделать и обратное заключение. Война может быть проявлением «любви к ближнему», а значит и гуманизма, если она служит единственным средством предотвращения еще «большого зла». Но весь вопрос заключается в том, как соизмерить потери, с которыми связано ведение любой войны, с масштабом несправедливости, которую планируется предотвратить с помощью насилия, и могут ли военные жертвы, понесенные в ходе боевых действий, считаться «меньшим злом» и рассматриваться в качестве этически оправданных?

Другая сложность применения теории справедливой войны на практике связана с проблемой систематизации критериев справедливости, определяющих применение вооруженного организованного насилия. Теория должна исключать такую ситуацию, когда обе противоборствующие стороны обладают равными по своей нормативной силе основаниями на ведение справедливой войны, поскольку всегда существует «моральная асимметрия» между действиями агрессора и сопротивлением жертвы, между акциями тиранического правительства, совершающего военные преступления против гражданского населения, и поступками тех, кто через восстание препятствует геноциду, и др. В действительности довольно распространенной является ситуация, когда государства, находящиеся в состоянии войны, заявляют о справедливости своих притязаний, подкрепляя их с помощью правовых и этических норм, интерпретация которых может меняться в зависимости от обстоятельств и интересов, и в итоге это порождает политику «двойных стандартов». Хотя подобные заявления редко рассматриваются с этических позиций, но в их основе все же лежат объективные нормативные противоречия.

Если рассматривать гуманитарную интервенцию, то фактически она является нарушением суверенитета другого государства в целях защиты прав человека представителей различных этнических и социальных групп на его территории, а оборонительная война – это обеспечение национальной безопасности путем нанесения прямого ущерба армии и населению государства-агрессора. И поскольку оба этих случая (оборонительная война, гуманитарная интервенция) рассматриваются в качестве легитимных оснований реализации права *jus ad bellum*, то и коллизия между ними полностью не исключается.

Рассмотрим в качестве примера индийскую армию, которая в 1971 г. в ходе кровопролитной гражданской войны в Пакистане совершила гуманитарную интервенцию в Восточный Пакистан (Бангладеш), чтобы защитить местное население от карательных акций военных Западного Пакистана, от рук которых погибло более миллиона человек и около 10 млн стали беженцами. Индия хотя и действовала из гуманитарных соображений, но с позиций международного права она нарушала территориальную целостность соседнего государства и действовала как агрессор. То же самое можно сказать и о вторжении Вьетнама в Камбоджу в 1978-1979 гг., в результате которого вьетнамские войска свергли кровавый режим Пол Пота. Анализируя действия стран,

оказавшихся перед лицом подобных дилемм, можно констатировать, что им не всегда можно дать однозначную нормативную оценку. В итоге теория справедливой войны оказывается перед лицом фундаментальных противоречий, проистекающих из признания ценности человеческой жизни и суверенитета государства в качестве двух равнозначных принципов международного права.

Хотя с помощью данной концепции невозможно окончательным образом определить критерии справедливости в сфере международных отношений, следует избегать как излишнего пессимизма, так и крайнего оптимизма в ее интерпретации. Роль этой теории заключается в другом – она является только вспомогательным средством, с помощью которого можно осуществить некоторую этическую рефлексию международного права (а не наоборот) в тех проблемных аспектах, относительно которых еще не выработано общепринятых принципов и правил. Это означает, что действия участников международных конфликтов могут и должны оцениваться не просто с позиций отдельных критериев *jus ad bellum* или *jus in bello*, а исключительно в комплексе всех принципов, устанавливающих нормативные рамки использования вооруженного насилия. В этом случае логически возможны три ситуации: когда действия государства оправданы в обоих аспектах (как в отношении *jus ad bellum*, так и *jus in bello*), в каком-то определенном аспекте (*jus ad bellum* или *jus in bello*), либо ни в одном из них. Следовательно, неисполнение одной группы принципов не может быть компенсировано за счет реализации других, и для этического оправдания своих действий на войне участники конфликта должны следовать не только постулатам *jus in bello*, но и правилам *jus ad bellum*.

Поэтому было бы заблуждением считать эту теорию учением о «священной войне», оправдывающим имперские устремления мировых держав и их мечты о мировой гегемонии. Напротив, односторонние военно-гуманитарные интервенции государств, декларирующих свои действия с позиций национальной исключительности и выступающих в защиту «глобальной справедливости», являются лучшими доказательствами пренебрежения данными принципами. Как указывают немецкие исследователи, все это свидетельствует о значительном «потенциале ошибочного толкования» данной концепции [9, S. 13]. Приходится также признать, что случаи конструктивного использования теории справедливой войны являются скорее редким исключением, нежели правилом. На практике наблюдается противоположное – их систематическое нарушение со всеми вытекающими последствиями.

Еще одна сложность связана с тем, что конфликты, для нормативного осмысления которых создавалась эта концепция, более не существуют в их прежнем виде. В современных условиях, когда военные столкновения уже не являются «конвенциональными» средствами разрешения конфликтов суверенных государств, а разворачиваются в условиях перманентного противостояния с глобальным терроризмом, столкновения различных культур и цивилизаций, постулат ограниченного применения силы теряет свою актуальность. Войны, возникающие в результате столкновения религиозных и ценностных систем, ориентирующихся на отличные друг от друга установки, имеют тенденцию к тому, чтобы со временем нивелировать имеющиеся запреты и нравственные ограничения. Как указывают Дж. Келсей и Дж. Джонсон, «если врага можно представить в качестве недочеловека или существа, лишённого всякого человеческого достоинства и уважения, которое может быть оказано представителям той же религии или веры, или его можно представить в качестве воплощения мирового зла, то с ним можно бороться любыми средствами, невзирая на последствия» [10, p. 4]. Внедрение новейших средств дистанционного поражения противника (крылатые ракеты, «умные бомбы» и боевые дроны) в условиях борьбы с террористическим подпольем и повстанческими армиями религиозных радикалов еще больше способствует эскалации насилия и ведет к снятию прежних моральных запретов на войну.

Если какая-либо из сторон активно использует подобное вооружение, а другая лишена этой возможности, это становится стимулом для асимметричных мер вплоть до совершения массовых террористических атак против мирного населения и объектов невоенной инфраструктуры. Это согласуется с классическим примером из теории игр под названием «дилемма заключенного». Единственно рациональной стратегией, когда обе стороны конфликта не доверяют друг другу, а одна из них обладает несоизмеримыми военными преимуществами, становится использование любых имеющихся средств для нанесения наибольшего урона противнику. Как пишет Б. Н. Кашников, «в интересах этой бесконечной войны с неопределенным противником могут быть нарушены не только все известные нормы международного права, но и принципы *jus in bello*» [2, с. 25].

Согласно Мартину Ван Кревельду, военные конфликты XXI века окончательно утрачивают «тринитарный характер», то есть боевые действия уже ведутся не самостоятельными государствами, которые, как утверждал Карл фон Клаузевиц, являются формой единства правительства, армии и народа («правительство управляет, солдаты сражаются и умирают, народ платит и страдает»), а единичными субъектами из этой триады, что лишает понятие войны былой определенности. «Нетринитарные виды войн, известные под общим названием “конфликты низкой интенсивности”, уничтожают традиционное разграничение между армией и населением» [3, с. 119]. В этих условиях неизбежно исчезает тонкое разделение между армией (комбатантами), с одной стороны, и населением – с другой.

Войны эпохи постмодерна нивелируют и другие условности былых времен: различие между государственными военными институтами и частными военными корпорациями; насильственными и ненасильственными действиями; мирным населением и комбатантами, которые в зависимости от ситуации могут быть квалифицированы весьма различным образом («повстанцы», «революционеры», «террористы», «умеренная оппозиция», «сепаратисты», «ополченцы»). Приходится констатировать, что технологии «гибридных войн» постепенно ставят под сомнение также постулат о справедливости оборонительных войн. Подобно тому, как преступник способен провоцировать жертву на сопротивление, трактуя ее действия в качестве

проявления агрессии, так и государства, используя провокационные стратегии «непрямых действий» как комплекс дезорганизующих мер социального, политического, информационного и даже криминального характера [12], могут создавать для неугодных правительств соответствующие условия, при которых их ответные шаги будут рассматриваться международным сообществом как законный повод для начала войны, а в случае отсутствия конвенционального одобрения вооруженное противостояние с ними будет продолжено в иных форматах «низкой интенсивности» – скрытых войн, партизанских войн, «асимметричных войн» (Дж. Фридманиз), а также так называемых «прокси-войн» (proxy wars). Согласно Карлу Дойчу, прокси-война – это «международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь свои собственные цели с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны, под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране» [Цит. по: 11, р. 13].

Как убедительно доказывает С. Маффеттоне, современный глобализирующийся мир становится пространством генезиса конфликтов принципиально нового типа, исключающих однозначность трактовки «двухвалентной» ситуации агрессии и защиты от нее (государство А нападает на государство Б, и это дает государству Б право на ответное нападение) [5]. Неисчислимо множество возможных сценариев, видов и способов конфликтного противостояния «всех против всех» является подтверждением древних размышлений Сунь Цзы о том, что у войны, как и воды, нет постоянной формы. Поэтому все попытки ограничить представления о ней рамками какой-либо нормативной теории рано или поздно ведут к нормативным коллизиям и спекуляциям, создающим предпосылки для селективного применения норм международного права и развязывания вооруженных конфликтов на неконвенциональной основе. Ситуация, сложившаяся сегодня, свидетельствует о том, что теория справедливой войны эволюционирует именно в указанном направлении.

Список литературы

1. **Кашников Б. Н.** Критика современного дискурса справедливой войны // Военно-юридический журнал. 2012. № 11. С. 22-29.
2. **Кашников Б. Н.** Теория справедливой войны как война и справедливость глобального мира // Военно-юридический журнал. 2014. № 3. С. 24-32.
3. **Кревельд М. ван.** Трансформация войны / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
4. **Куманьков А. Д.** Принцип правового дела и «новые» войны // Этика войны и мира: история и перспективы исследования / под общ. ред.: Б. Н. Кашников, А. Д. Куманьков. М.: Алетейя, 2016. С. 67-76.
5. **Маффеттоне С.** Справедливая война и гуманитарная интервенция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Spravedlivaya-Voina-i-Gumanitarnaya-Interventsiya-17652> (дата обращения: 23.05.2016).
6. **Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры** / под общ. ред. Бруно Коппитекса, Ника Фоушина, Рубена Апресяна. М.: Гардарики, 2002. 407 с.
7. **Arendt H.** Crises of the Republic: Lying in Politics; Civil Disobedience; On Violence; Thoughts on Politics and Revolution. N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. 240 p.
8. **Fotion N.** Reactions to War. Pacifism, Realism and Just War Theory // Ethics in International Relations. Theories and Cases / ed. by A. Valls. Lanham, 2000. P. 15-32.
9. **Hauchler I., Messner D., Nuscheler F.** Der Irakkrieg. Zehn Thesen zu einer weltpolitischen Zäsur // Globale Trends 2004/2005. Fakten, Analysen, Prognosen. Frankfurt, 2003. S. 9-27.
10. **Kelsay J., Johnson J.** Just War and Jihad: Historical and Theoretical Perspectives on War and Peace in Western and Islamic Traditions. Westport: Greenwood Press, 1991. 254 p.
11. **Mumford A.** Proxy Warfare. Oxford: Polity Press, 2013. 180 p.
12. **Russell W. G.** Thoughts on "Hybrid" Conflict [Электронный ресурс]. URL: <http://smallwarsjournal.com/mag/docs-temp/188-glenn.pdf> (дата обращения: 23.05.2016).
13. **St. Thomas Aquinas.** The Summa Theologica. Of War (Four Articles) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ccel.org/a/aquinas/summa/SS/SS040.html> (дата обращения: 23.05.2016).
14. **Walzer M.** Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. N. Y.: Basic Books, 2006. 388 p.

MORAL DILEMMAS AND CONCEPTUAL CONTRADICTIONS OF THE THEORY OF "JUST WAR"

Ivanov Andrei Valer'evich, Ph. D. in Philosophy
Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky
ivanowaw@gmail.com

The article is devoted to the critical analysis of the conception of just war from ethical perspectives. On the basis of the analysis of theoretical positions the author asserts that asymmetric conflicts and humanitarian interventions change completely the ideas of modern wars, which no longer correspond to traditional moral and legal doctrines. It is concluded that the principles of the theory are not satisfactory for limiting military outrages and in order to reduce the level of armed violence new normative regulations and practices are required.

Key words and phrases: theory of just war; right to war; law during war; ethics; international relations; humanitarian intervention; peace; hybrid conflicts.